

Прощаясь с Игорем Тимофеевичем Зоткиным.

24 мая 2016г. нас всех, близких друзей и сотрудников Игоря Тимофеевича оглушила весть по телефону: несколько часов назад Игорь Тимофеевич скончался ... И несмотря ни на что – возраст (он родился 8.04.1929г.), очень неважное самочувствие в последние месяцы, даже годы, не один инфаркт – весть оказалась внезапной. Не верилось! Каждый раз ему удавалось победить болезнь. Но жизненные ресурсы не вечны... И завтра мы прощаемся с нашим Главным хранителем и душой нашего Музея ГАИШ МГУ, с большим Ученым и настоящим большим Человеком. Даже для сотрудников это невосполнимая потеря! Что уж говорить о его семье, о его замечательной жене Евгении Викторовне (для меня она всегда была просто Женей), о детях и внуке. Он дождался и правнука, названного в честь своего прадеда редким именем Тимофей. В эти печальные дни появится немало некрологов от его многочисленных друзей, сотрудников, от учеников, пришедших в астрономию через его руки талантливого воспитателя и педагога в Московском (старом еще, то есть подлинном по своей образовательно-просветительской деятельности) Планетарии, куда он был распределен после окончания мехмата МГУ в 1952г. В каждом будут перечислены многочисленные научные, преподавательские, да и просто человеческие заслуги этого неординарного человека. В своем некрологе я также напомню о них. Но главное, мне хочется поделиться воспоминаниями о нем, ведь с Игорем Тимофеевичем мы проработали вместе 30 лет, сначала 10 лет в КМЕТ АН СССР, а с 90-х гг. два десятка лет в ГАИШ МГУ.

Я не была «планетарским» человеком. Впервые попав в Планетарий в 7 лет, куда привел меня мой отец в 1936 г., я сразу запомнила сигарообразную картину рождения планет по гипотезе Джинса (годы еще ее торжества), но, увы, была полностью разочарована искусственным звездным небом: звезды выглядели просто... кружочками и (!) не мигали! А родители мне рассказывали, что еще в новорожденном состоянии, по дороге с ними в летний отпуск в Курскую область я всю ночь не спала и все смотрела в звездное небо... Планетарий потерял для меня интерес и в астрономию я пришла на волне романтического увлечения скорее красотами небесных явлений – комет, звездных дождей, звездного бездонного неба и мерцающего на темном небе подмосковья, как живое существо, Млечного Пути, а начав учиться в Московском гор. пединституте, была окончательно очарована яркими лекциями Бориса Александровича Воронцова-Вельяминова и с 3-его курса, с потерей года, перешла в МГУ, который и окончила в 1954г. (хотя с И.Т.мы – ровесники, оба с 1929г., он родился в апреле, а я в мае).

Наше первое знакомство произошло в Комитете по метеоритам, куда меня, как в свое время (в 1956г.) Игоря Тимофеевича, пригласил в 1970 г. академик В.Г.Фесенков, выручая в трудный период моего непростого жизненного пути. День моего появления в КМЕТ совпал с очень важным днем для Игоря Тимофеевича: он как раз уехал в роддом встречать жену с новорожденным сыном – Митей. Затем мы познакомились лично и, узнав, что в КМЕТ прибыл историк астрономии, он сказал: «Ну, вот, пришел историк и теперь к нему уйдет тема Тунгусского метеорита!», на что я ответила (узнав о его роли в изучении проблемы): «Закключаем джентльменское соглашение: тема Тунгуски для меня табу». Конечно, в дальнейшем казалась естественной защита Игорем Тимофеевичем кандидатской, а в дальнейшем и докторской диссертаций на эту тему, по вкладу в которую он, без сомнения, не имеет соперников в мире. Но при всех неоспоримых талантах и достоинствах И.Т. Зоткина как ученого он не обладал одной важной «способностью» – собраться и, не отвлекаясь на другие дела, засесть и написать диссертационный текст! Не помогло ни выделение двухмесячного «рабочего» отпуска на это в КМЕТ, ни даже сдача кандидатских экзаменов уже в ГАИШ, ни мои собственные усилия позднее, когда я, описав заслуги И.Т. в письме к директору ИТА АН СССР Ю.В. Батракову, получила отклик: в ИТА готовы принять его работы к защите! Помимо прочего И.Т. был очень ранимой и бескомпромиссной натурой. Когда он под натиском

друзей представил-таки свою работу по Тунгусской катастрофе нашему тогдашнему директору Д.Я.Мартынову (в просторечии – ДЯМЕ), тот, будучи узко-направленным звездником, не удосужившись пойти дальше Исторического введения (а в такой теме оно было необходимо!) в буквальном смысле «брякнул», допустив бестактность: «Так это же какая-то филология!!!» И все было кончено – И.Т. больше к проблеме защиты не возвращался, а на мое сообщение об отклике Батракова резко отрезал (несмотря на все наши дружеские отношения): «Никогда не заводите со мной подобных разговоров – все в прошлом». Эти эпизоды я напостила, чтобы сказать без обиняков: Игорь Тимофеевич был настоящим, полновесным ученым по своим результатам, эрудированности, высочайшему авторитету в области метеорной и метеоритной астрономии (а во многом и за ее пределами), по сути, доктором наук, хотя и без всякой официальной защиты. Последнее услышанное мною в эти дни доказательство его авторитета: как только секретарь нашего Астрономического общества В.Л.Штаерман сказала владельцу редких фрагментов последнего Челябинского метеорита, что хотелось бы иметь его экземпляр в Музее ГАИШ на Пресне, где экскурсии проводит и его главный сотрудник И.Т.Зоткин, сомневавшийся в возможности такого «дарения» воскликнул: «Так это же мой учитель!», и Музей пополнился новым ценным экспонатом. Но есть в Музее ГАИШ и два особенных экспоната. Один – это старинный рабочий стол нашего великого физика Петра Николаевича Лебедева (1866 – 1912), спасенный от уничтожения сотрудником ГАИШ В.Коржевным, ставшим случайным свидетелем выбрасывания мебели из бывшей его Физической Лаборатории при переселении естественных факультетов МГУ на Ленинские (Воробьевы) Горы. А второй – это кресло академика Василия Григорьевича Фесенкова из его рабочего кабинета, буквально «на плечах» принесенное И.Т. Зоткиным из другого разоренного «гнезда» науки, из Комитета по метеоритам, помещавшегося в подвальчике жилого дома №3 по ул. Марии Ульяновой.

В своих воспоминаниях я опушу работу И.Т.Зоткина (с 50-х гг.) как члена ВАГО, как сотрудника «Бюллетеня ВАГО», а затем выросшего из него научного журнала «Астрономический вестник». Я не была свидетельницей этой полосы жизни И.Т. Об этом напишут в некрологах другие.

Первым разглядел в молодом лекторе Планетария будущего ученого В.Г.Фесенков. пригласив его работать в Комитете по метеоритам (КМЕТ) в 1956г., чтобы пополнить его исследователями-астрономами. (В КМЕТ работала затем и ученица Б.Ю.Левина астроном А.Н.Симоненко, ставшая крупным специалистом по изучению орбит родительских тел метеоритов – астероидов. С той же целью такое предложение было сделано и мне: но я занялась и в КМЕТ историей науки, метеоритики).

Таким образом, по замыслу нового председателя КМЕТ АН СССР академика В.Г. Фесенкова, возглавившего его после кончины (в 1945г.) его создателя, выдающегося геофизика академика В.И.Вернадского, метеоритика, прежде традиционно бывшая областью исследования лишь космического вещества – минералогами и областью интересов геологов, все более обретала черты важной отрасли астрономии. В метеоритике и метеорной астрономии И.Т.Зоткин-астроном нашел свое истинное призвание. И, естественно, первым для него стало исследование все еще бывшей загадочной Тунгусской катастрофы.

В 1958 – 1988 гг. – четыре экспедиции на место «падения», как тогда считалось «Тунгусского метеорита», в которых И.Т.Зоткин, по его собственным словам, «возможно, был одним из немногих профессиональных астрономов, участвовавших в этой проблеме». (Всего же он участвовал в 10 метеоритных экспедициях, а также, вместе со мною, в открытии в 1981г. памятника на уточненном с моим участием месте находки знаменитого первого отождествленного на Земле метеорита «Палласово Железо».) Прочитируем личное сжатое изложение им в автобиографии (2004г.) собственных (весьма впечатляющих) результатов в этой ставшей для него главной области деятельности – исследовании Тунгусской катастрофы:

«● составлена карта схема поваленных на месте взрыва деревьев в 1908 г. и выявлена необычная осесимметричная площадь поражения;
 ● произведено натурное моделирование Тунгусского взрыва, что послужило основанием для последующих численных расчетов;
 ● очерчена на поверхности Земли площадь аномально ярких сумерек, проявившихся в ночи, следовавшие после падения;
 ● рассчитана траектория Тунгусского болида, т.е. определены азимут и наклон движения этого метеорного тела;
 ● показано, что радиант Тунгусского метеорита совпадает с радиантом древнего метеорного потока бета-Таурид, порожденного кометой Энке. Тунгусский метеорит можно считать фрагментом кометы Энке».

Экспедиции были нелегкими. Тяжелая травма позвоночника в одной из них от упавшего бревна грозила И.Т. полной инвалидностью в весьма молодые годы. И подняла его на ноги не только медицина. Быть может, еще более важную роль сыграл в это время в его судьбе необыкновенный по личным качествам человек – академик В.Г.Фесенков, председатель КМЕТ, который, посетив его в больнице, не дал ему упасть духом и убедил, что он всегда будет полноценным сотрудником Комитета.

Василий Григорьевич, в свое время пригласивший И.Т.Зоткина в КМЕТ, заметив его талант и увлеченность астронома уже в его работе в Планетарии, высоко ценил своего талантливого молодого коллегу. В них было немало сходства и в отношении к науке. Скупое определение: «натурное моделирование Тунгусского взрыва» скрывало под собой блестящее опытное модельное исследование И.Т. (вместе с его другом М.И. Цикулиным) поведения «таежного леса» (в виде вертикально расставленных вначале на большой площади проволочек) при произведенном в закрытой камере «шнуровом взрыве», воспроизведившем картину взрывающегося метеорного тела при стремительном пролете в земной атмосфере при разных углах наклона его траектории. И когда не скрывавший своей радости Игорь принес еще мокрую фотографию результата – с отпечатавшейся на ней картиной знаменитого теперь вывала леса в виде осесимметричной «бабочки», подтвердившей экспедиционные наблюдения, В.Г. Фесенков, с еще большим восторгом воскликнул: «Вот что значит – эксперимент!».

К последнему пункту добавим, что в этих выводах И.Т. Зоткин подтвердил и самую раннюю (до Уиппла) догадку о кометной природе явления, высказанную первым исследователем катастрофы Л.А.Куликом в 1926г. Но последний, высказав идею возможной связи Тунгусского феномена с пересечением примерно в это время Землею орбиты кометы (он полагал, Понса – Виннеке), был уверен в выпадении самого (причем даже железного) метеоритного вещества, что было убедительно опровергнуто экспериментом И.Т.Зоткина и М.И.Цикулина: взрыв и полное распыление вещества кометы произошло на высоте нескольких км. (Как известно, в экспедициях второй половины XX в. было доказано и не космическое происхождение углублений, принимавшихся Куликом за метеоритные кратеры).

Закончить краткую научную характеристику И.Т.Зоткина можно напоминанием о том, что за его плечами – контактирование с такими известными учеными, как В.В. Федынский, Б.Ю. Левин, И.С. Астапович, П.Б. Бабажданов, Е.Н. Крамер и др., участие в проведении фотографических, визуальных, радиолокационных наблюдений в период МГГ (1957-1959 гг.) и в последующие годы; авторское свидетельство (№ 883844) на сконструированную им совместно с Ленинградским институтом точной механики и оптики ультра-широкоугольную (типа «рыбий глаз») болидную камеру для мониторинга метеоритообразующих болидов, а в целом около 100 публикаций и авторских свидетельств в области метеорной астрономии, метеоритики и смежной тематики.

После ухода с поста председателя, а затем и кончины (в 1972г.) акад. В.Г.Фесенкова, перспектив дальнейшего существования и развития КМЕТ как уникального научно-исследовательского центра, существовавшего при Президиуме АН СССР и совмещавшего в себе также роль координационного метеоритного центра страны, оставалось все меньше. Несмотря на наши, во главе с Аллой Симоненко, попытки (с поддержкой крупных астрономов) сохранить его самостоятельность, КМЕТ был ликвидирован и преобразован в Лабораторию ГЕОХИ АН СССР, где астрономам уже не было места. Симоненко была переведена в Астросовет АН СССР, мы с И.Т. попали в ГЕОХИ. Я до сих пор благодарна его тогдашнему директору В. Л. Барсукову (1928 – 1992), позволившему мне дописать и довести до издания первую свою монографию по истории метеоритики «Рождение научной метеоритики. История Палласова Железа»(1982г.), после чего я «по собственному желанию» ушла и, побыв несколько лет в безработных, оказалась в ГАИШ. Игорь Тимофеевич проработал там еще 12 лет, до 1991г., но также должен был уйти, вернувшись к преподавательской и воспитательной деятельности в Московском городском доме творчества детей и юношества (МГДТДиУ, бывшем Доме пионеров).

А далее наши пути снова встретились.

В ГАИШ я рассказала об Игоре Тимофеевиче моему однокурснику Петру Щеглову. (Он не был воспитанником Планетария и появился в роли абитуриента в МГУ уже сформировавшимся в своих интересах представителем астрономической семьи директора Ташкентской обсерватории В.П.Щеглова). Петр Щеглов, один из крупнейших наших астрофизиков, одновременно глубоко интересовавшийся историей астрономии, уделял тогда много внимания возрождению (основанного некогда П.Г.Куликовским) Музея ГАИШ на Пресне в старой университетской Обсерватории и дал мне задание – уговорить Зоткина перейти в ГАИШ. Это удалось не сразу: отвыкший от воцарившихся в КМЕТ после ухода Фесенкова формальных бюрократических правил работы – в виде строгого по времени отсиживания на рабочем месте – И.Т. опасался утраты свободы и в ГАИШ. Но я убедила его в совершенно ином, демократическом стиле работы в ГАИШ МГУ, и он по официальному приглашению профессора П.В.Щеглова стал сотрудником нашего Государственного астрономического института им П.К Штернберга. Приобретение для ГАИШ было неоценимым!

И.Т.Зоткин глубоко проникся, как он сам писал в своей автобиографии «важным историко-научным, мемориальным и образовательным значением» Музея и для студентов, и для посетителей его (их возраставшее количество даже приходилось ограничивать: И.Т. всегда опасался нарушения при этом условий хранения экспонатов и всего здания). Он стал не только подлинным хранителем Музея, но и человеком, благодаря энергии и усилиям которого в Музее был возрожден интерьер, характерный для старой университетской обсерватории в XIX в., при ее наиболее значительном директоре-реформаторе В.К.Цераском (1849 – 1925). Усилиями И.Т. Зоткина, вначале в сотрудничестве с П.В.Щегловым (1932 – 2001), был реставрирован и приведен в рабочее состояние главный, установленный в 1903 г. при Цераском телескоп обсерватории – 15” двойной астрограф, а позднее вместе с группой энтузиастов – объединившихся под руководством Зоткина астрономов-конструкторов было начато и восстановление второго по значению инструмента обсерватории – 7” телескопа в так наз. «Назаровской башне» (сооруженной в свое время на средства друга и соученика Цераского А.А. Назарова). В ней вел наблюдения переменных звезд и учитель И.Т.Зоткина, последний директор обсерватории С.Н.Блажко, о забавных инструкциях которого студентам при наблюдениях не раз вспоминал и рассказывал нам Игорь Тимофеевич.

Пресненская обсерватория была близка Игорю Тимофеевичу еще со студенческих лет, когда в первые послевоенные годы еще не был разрушен необдуманно поспешными перестройками ее великолепный истинный архитектурный внешний вид, а в ее левом крыле (ныне комната №4, бывшая в войну помещением службы времени) еще сохранялся резной деревянный потолок с изображениями зодиакальных созвездий. Именно И.Т.

Зоткину довелось быть последним свидетелем подлинного внешнего и внутреннего облика нашей университетской обсерватории – шедевра научной и художественной архитектуры XIX в. В этой обсерватории и в этом украшенном портретами наших знаменитых астрономов помещении мы простились 28 мая 2016г. с нашим другом, нашим замечательным сотрудником, нашим неизменным советчиком, добрым и мудрым человеком – Игорем Тимофеевичем Зоткиным.

А.И.Еремеева